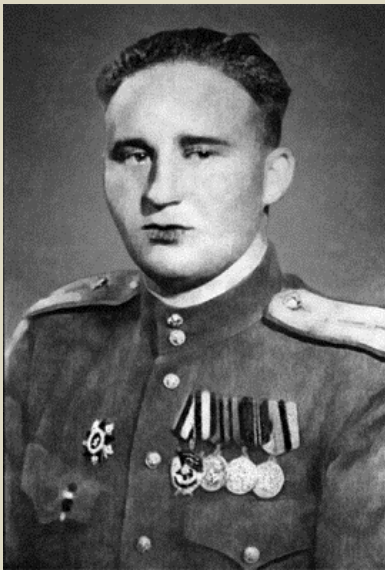

Звонарев Константин Григорьевич. Воевал на «Яке»

Выполнил 145 боевых вылетов. Официально зафиксированы три победы в воздушных боях. Награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны и двумя – Красной Звезды.

Родился в селе Ильинское, в крестьянской семье. Нас было 13 детей (к началу войны осталось 9), я - первенец. Детство было тяжелое. В 40 году, весной, меня должны были призвать в армию. А когда вызвали в военкомат, спросили: "Ты летчиком хочешь быть?" Ну, кто не хочет быть летчиком? "Тогда, - сказали мне, - поезжай в Реутово, проходи комиссию".

Так я попал в авиацию, в аэроклуб в Реутово.

Жили мы у хозяйки. Кормили нас два раза в день, а ужин - за свой счет. Платили тогда курсантам 250 рублей - ничего, нам хватало. Мы тогда же не пили...

Начали учиться. Сначала изучали самолет. А зимой, с декабря месяца, начали летать на У-2. К апрелю я уже закончил программу. Приехала комиссия из летного училища. Проверили нашу подготовку, а потом раскидали, кого куда.

Я попал в Качинскую краснознаменную школу истребителей. Это было уже весной, в апреле 1941 года. Приехал в училище, принял присягу и начал учиться. Еще до войны успел сделать несколько вылетов на истребителе. Сначала летал на УТ-2, потом на спаренном УТИ-4 и один полет успел совершить до войны на И-16.

22 июня ночью - тревога. Мы - на аэродром. Выкопали щели и сидели в них. Рядом была бухта, бомбить начали ее. Зенитки как дали им! - было видно, половину из всех тех, что прилетали, сбили.

Потом нас эвакуировали. Передислоцировали под Энгельс, в Красный Кут. Боевые самолеты у нас забрали, оставили только УТИ, на которых мы продолжали учебу. Потом горючего не стало. Мы сидели на нарах, разутые, раздетые. Я голода особо не ощущал, а некоторым было очень голодно. Из нас отбирали тех, кто поспособнее. Когда в нашу часть привозили бензин, руководство школы рассчитывало, скольких могут выпустить, - тех и отбирали. Выпускали нас из школы истребителей постепенно. Подготовят, потом ждут, когда бензинчику еще дадут. Потом, когда стало

видно, что советские войска несут большие потери, нам стали давать бензина больше, чтобы уже хватало не на 5-6 человек эскадрильи, а побольше. Отбирали ребят, что покрепче. И я попал в их число.

И-16 нам уже не давали, потому что их все побили. Сначала нам дали три "Лага". Два из них сразу разбились. Бестолковые были эти самолеты, нехорошие, недоработанные. Потом дали Як-1. На нем и выпустили.

В 43-м году я окончил училище, в марте, и был направлен в Рассказово, под Тамбов. В школе я только научился взлету-посадке и пилотажу, а боевого применения не знал. А вот в УТАПе начали парами летать, звеньями, учились стрельбе по конусу, воздушному бою.

И уже начали туда приезжать представители полков, "покупать" нас. Целые полки начали образовывать. Первый раз к нам приехали командир полка и командир эскадрильи. Набрали нашей молодежи. А кто ее учить-то будет? Через два месяца приехал командир эскадрильи, который стал командиром полка, и опять набрал новичков. Такие потери были...

В УТАПе я пробыл до июля. Часов сто налетал. Каждый день летали. Приехал начальник боевой подготовки дивизии и отобрал тех, кто покрепче. Нас зачислили в 814-й полк.

В дивизии полки были сильные. В моей второй эскадрилье за войну 2 летчика всего погибли.

Нас вводили в строй, давая по несколько полетов. Мы уже были слетанные. Проверяли также в воздушном бою, слетанность пары и начали постепенно брать по несколько человек: по одному, по два - смотря какая обстановка.

Сначала я был в первой эскадрилье, ведомым у Николая Путько - Николай сильный летчик, хохол. С ним сделал 2 вылета. Ходили на прикрытие наземных войск. Вот, говорит, видишь, если немецкие самолеты выше, чем мы, идут, в бой мы не вступаем, но если они начнут, только тогда мы вступаем в бой. Мы в основном прикрывали. Мы только за штурмовиков отвечали: если кого-то у них сбивали, нам боевой вылет не засчитывался, хотя и своих теряли.

Тяжелые были бои летом 1943 года... Вообще, легких боев не бывает, когда ты к штурмовикам привязан. Ведь наш полк в основном занимался сопровождением "илов", и только когда на фронте было затишье, мы ходили на "свободную охоту". Наша дивизия и штурмовая дивизия - 108-й, 109-й и 110-й полки - все время были вместе. Для нас так подбирали аэродром, чтобы мы поближе к линии фронта были. "Илы" проходили через нас, мы к ним пристраиваемся - и пошли. Обычно на шестерку "илов" давали в сопровождение пару, а на двенадцать самолетов - звено. Штурмовики идут примерно на 1000-1200 метров, а мы метров на 400-600 над ними - с этой высоты можно успеть разогнать самолет и отбить атаку. Немцы обычно открывали огонь с дистанции 100-200 метров. Вот тут главное - не подпустить его, успеть дать очередь. Не обязательно сбивать: очередь перед ним дал - он уже отваливает. Я ведомым был, так что моя задача была прикрыть ведущего, пока он атаку отбивает. Я атакую только по его команде. А без команды кто влезет - обязательно там останется.

Если на сопровождение идем звеном, то мы ходим над ними: двумя парами навстречу друг другу. Делаем как бы восьмерки, чтобы скорость держать побольше.

Немецкие истребители в основном атаквали снизу. Они могли либо подкрадываться к строю "илов", пытаясь слиться с фоном земли, либо, набрав высоту, пикировали сзади строя, с тем, чтобы на скорости подойти и атаковать их сзади-снизу.

Когда пришли на цель, штурмовики обычно сходу били РСами, а потом становились в круг. Мы тоже над ними крутимся. Зенитки нам не страшны: мы же выше. Кольке только один раз раздели хвост. Он пошел выбивать "мессера", атаковавшего "ил", она ударила и посекала ему хвостовую часть фюзеляжа.

От цели штурмовики обычно отходили на бреющем, потом поднимались, смыкали строй, и мы их вели до места встречи.

Запомнился вылет 15 июля 1944 года. Тимошенко повел эскадрилью - две шестерки - сопровождать двенадцать "илов" на немецкие склады. Кто их вел, не помню, но заместителем у него был Костя Макавейчик. В первой шестерке вверху была пара Волошина. Мы его Куртом звали: он на немца был похож - высокий костлявый. "Илы", обычно, один-два захода делали, а здесь 6 заходов. Штурмовики склады разбили, они начали рваться - дым до 4000 метров стоял. "Фоккеров", причем каких-то новых, я таких ни до, ни после не видел, пришло 14, а нас 12. Они с первого захода сбили пару Волошина и Каштанова: они прозевали атаку - и еще четверых внизу. Тимошенко кричит ведущему "илов": "Уходи, я больше не могу тебя спасти!" "Сейчас, - говорит, - еще один заход". Трех мы все же сбили.

Истребитель Як-9

Практически всю войну я летал на Як-1. Только под конец нам с Забыриным дали Як-9У. Мы на них порезвились! Як-9У лучше, чем Як-1 и Як-3: у него маневренность лучше, да максимальная скорость - 720 км/ч! На нем я с Me-262 бой вел. Они пришли парой штурмовать аэродром, а я как раз взлетал. Сбить не сбил, но от аэродрома отогнал.

Поначалу он мне так не понравился! На земле греется, рулить нельзя, запустил - и сразу взлетай, двадцать метров прорулил - все, мотор закипел. У меня ЯК-1 был номер 33, а у Кольки - 44-й. Механику говорю: 33. Он перетаскивает парашют. Ракета, взлет. Колька ругается. У него на Як-9У скорость 720, а у меня - 600. Но я выше его залезу, метров на 100, и нормально. А вообще мы обычно ходили на 400 километрах: штурмовики-то 350 идут. Это только на "свободной охоте" можно разогнаться.

- Какой из этих самолетов лучше всего приспособлен для сопровождения "Илов"?

- Всех лучше Як-3. И скорость быстро набирает, и маневренность у него хорошая, лучше, чем у других "яков", и он легче. Огневая мощь у всех "яков" достаточная.

- Как вы оцениваете немецких летчиков?

- Хорошие летчики. Только в конце войны появились слабые, а так сильные летчики были. Они нам не уступали ни по морально-волевым качествам, ни по технике пилотирования. Стреляли хорошо. Если ты в прицел ему попал, то он тебя собьет. Правда, в бой они не ввязывались, если у них не было численного преимущества. Мы к ним относились как к противнику, ненависти я не испытывал.

- *Когда у вас создалось ощущение, что "немец пошел не тот"?*

- На Сандомирском плацдарме почувствовал, что кончился немец.

Под конец войны вы в основном на штурмовку ходили, а также сопровождали "Илы" - в небе уже было мало немецких истребителей, они уже нас стали бояться, в бой редко вступали.

Потом как-то бронепоезд разбомбили с пикирования. Это было под Шпратау, в Германии. Мы шли звеном. По-моему, первым сбросил бомбы Вася Семакин, но не в бронепоезд попал, а в рельсы. Разворотил. Бронепоезд встал. Я на Як-9Т с 37-мм пушкой - ударил. Из бронепоезда пар пошел. Он так и остался там.

Вообще, Як-9Т с 37-мм пушкой очень тяжелый. Но я на нем в январе 1945-го над Кельцами двумя снарядами сбил "мессера" (давать очередь больше чем из двух снарядов запрещалось инструкцией). Получилось так. Пошли мы с Колькой на разведку. Я на этом самолете отставал. Он вылезает, я сзади. Потом смотрю - валится на него четверка "мессеров". Он их не видел, а потом смотрю: заметил - и в пикирование. Одна пара - за ним. Мне ничего не оставалось делать, как попытаться их отсечь. Я задрал нос, прикинул, выстрелил раз, два. Один снаряд попал. Смотрю: от "мессера" щепки полетели, и он повалился вниз. Смотрю, Колька идет. Цел, слава богу. А остальные "мессера" сразу ушли.

- *Как был устроен быт летчиков?*

- Пока по нашей территории шли, жили в землянках. Их строили для каждой эскадрильи. Но мы только спали в них, а так мы целый день на аэродроме или в полете. На аэродроме тоже была вырыта землянка для командного пункта эскадрильи. Чем занимались в нелетную погоду? Ее не было, нелетной погоды. "Илы" поднимали почти в любую погоду. А раз они летят, то и мы с ними. Между вылетами играли в домино. Карты у нас не приживались.

Кормили прекрасно. Аппетит всегда был. Вечером 100 грамм давали, если боевой вылет есть. Если два вылета, то 200 грамм. Это чтобы напряжение снять. Давали и курево. Я курить начал в 43-м, закончил в 70-м. В эскадрилье все курили. Немцы тебя как погоняют, ты покрутишься, домой придешь, две штуки подряд выкуришь - тогда ничего.

Летом летали в брюках и гимнастерке. На ногах сапоги. Ордена, документы - все с собой брали. Зимой сначала летали в комбинезонах, потом нам выдали куртки. На ногах унты. Шелковых платков нам не выдавали. Приходилось подшивать воротничок из простынь, что помягче. Но все равно бывало, что натирала шею.

- *В отпуски отпускали?*

- Только после войны. Какой отдых на войне?! Как в 43 году попали на фронт, так до 48-го никаких отпусков. Полк на переформировку не уходил, только получал новую технику. Переформировка - это когда потери большие. У нас 22 летчика полк потерял с начала войны. В нашей эскадрилье двое погибли: Химушин Лева и еще один, фамилию не помню. В остальных эскадрильях побольше потери были. Они потеряли по 10 летчиков. Чья эта заслуга? Командира эскадрильи. Много летчиков погибло, пока полк на "Харрикейнах" летал. Жуткая машина была. Нам в школе дали "Харрикейны" - сразу 4 или 5 курсантов разбились. Мне повезло. Я на нем не летал.